

Жанабаев К., Сағындыков Н.

**О меритократии в поэзии
жырау XV-XVIII веков**

В настоящей статье говорится о меритократии – ведущем принципе эпического стиля героических певцов жырау, поэзия которых занимала доминирующее положение в XV-XVIII веках. Меритократия – власть знающих, посвященных. Она, по мнению авторов статьи, восходит к истокам древнего знания, к шаманизму, обнаруживая свои свойства в возвышенном характере эпического стиля, в магической семантике и символике, в формально-стилевых особенностях текста, в его структуре и композиции, имеет «праформу» солярного обряда и ритуала, поэтому как от исследователя, так и от переводчика требуется особое внимание к структурно-семантической природе поэтического текста жырау XV-XVIII веков. Принцип меритократии придает поэтической речи жырау особую «строгость» и философскую глубину, формирует его величественную творческую манеру, «регулирует» его жанровый репертуар, организуя практически безупречную систему изобразительно-художественных средств и в целом – всю поэтическую систему, по всем своим признакам вполне отличную от поэтических систем других носителей тюркской устной традиции.

Ключевые слова: меритократия, военная демократия, эпический стиль, структурно-семантическая организация текста, жанровый репертуар, поэтическая система, формально-стилевые компоненты, поэтическая система, обрядово-лирическая поэзия, героический эпос.

Zhanabayev K., Sagyndykov N.

**About meritocracy in poetry
zhyrau of XV-XVIII centuries**

This article refers to the meritocracy – a leading principle of the epic style of the heroic bard singers, poetry that holds a dominant position in the XV-XVIII centuries. Meritocracy – the power of knowledgeable, dedicated. According to the authors, it dates back to the origins of the ancient knowledge of shamanism, discovering their properties in the sublime nature of the epic style of magic in semantics and symbolism in formal style of the text, its structure and composition, has a «protoform» solar rite and ritual, so both the researcher and by the interpreter requires special attention to the structural and semantic nature of the poetic text zhyrau XV-XVIII centuries. The principle of meritocracy gives poetic speech zhyrau special «rigor» and philosophical depth, creates a magnificent creative manner, «regulate» his genre repertoire, organizing nearly flawless system of graphic-art facilities and the whole – the whole poetic system in all of its features is quite different from poetic systems of other carriers Turkic oral tradition.

Key words: meritocracy, military democracy, epic style, structural-semantic organization of the text, genre repertoire, poetic system, formal and stylistic components poetic system, ritual and lyrical poetry, the heroic epic.

Жаңабаев Қ., Сағындықов Н.
**XV-XVIII ғасырлар жыраулық
поэзиясындағы меритократия
хақында**

Бұл мақалада меритократия мәселесі – XV-XVIII ғасырлар бойы поэзиясы басым орынға ие болған қаһарман жыраулардың эпикалық стилінің жетекші ұстанымдары туралы сөз болады. Меритократия – біліктілер мен білушілер билігі. Бұл билік, мақала иелерінің ойынша, сонау ерте заманғы білім бұлағы, шаманизмге барып тіреледі. Ол өз қасиетін эпикалық стильдің биік сипатынан, сиқыры бар семантика мен символикадан, мәтіннің түр-стильдік ерекшеліктерінен, құрылымы мен композициясынан табады. Сондай-ақ күн-сәулелік әдет-ғұрып пен салт-дәстүрдің «түптүріне» келіп тоқталады. Сол себепті де зерттеушімен қатар аудармашыдан да XV-XVIII ғасырлар жырауларының поэтикалық мәтіндегі құрылымдық-семантикалық табиғатына ерекше назар аударуды талап етеді. Меритократия ұстанымы жыраудың поэтикалық тіліне ерекше «салмақтылық» және философиялық тереңдік береді, оның маңғазды да айбынды шығармашылық мәнерін қалыптастырады, жанрлық репертуарын «реттейді», бұл болса іс жүзінде мінсіз көрнекілеу-көркемдегіш амалдар жүйесін, тіпті тұтастай алғанда – өзінің барлық нышаны бойынша өзге түркі ауызша дәстүр иелерінен толықтай бөлектеңіп тұратын – бүкіл поэтикалық жүйені құрады.

Түйін сөздер: меритократия, әскери демократия, эпикалық стиль, мәтінді құрылымдық-семантикалық ұйымдастыру, жанрлық репертуар, поэтикалық жүйе, түр-стильдік компоненттер, салтты-лирикалық поэзия, қаһармандық эпос.

УДК 82:7; 81(091); 81(092)

Жанабаев К.¹, Сагындыков Н.²,

¹к. ф. н. доцент, ²к. ф. н. доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан,
e-mail: ovlur1963@mail.ru

О МЕРИТОКРАТИИ В ПОЭЗИИ ЖЫРАУ XV-XVIII ВЕКОВ

Важной чертой эпического стиля поэзии жырау мы считаем меритократию – этический принцип певца, возглавляющего ханский совет, власть «знающих». Этот принцип проявляется в возвышенности эпического стиля. И величественность, и важность речи певца подчинены этому принципу. Само же высказывание жырау полно магической семантики, символики, а в его стихотворном строе «скрыты» сакральные коды и криптофоны (тайные звуковые криптограммы). Такая своеобразная поэтическая речь в своих истоках восходит, как убедительно показал Е.Д. Турсунов, к глубинным истокам «священного знания», к шаманизму. Поэтому формально-стилевые элементы тюркского стиха: однородные стилистические блоки, эпические клише, различные повторы, формульные обороты, анафора, монорим, параллелизмы, аллитерация, ассонанс, – ясно подтверждают суггестивную природу текста жырау.

В нем, как показывает анализ, в усеченном виде мы можем усмотреть и модель мира. Здесь также обнаруживаем вертикальные, горизонтальные, кольцевые, зеркальные, винтовые и более сложные – концентрические композиции, восходящие к «праформе» солярного обряда и ритуала, поэтому структурно-семантический аспект организации текста певца XV-XVIII веков требует наибольшего внимания как исследователя, так и художественного переводчика.

Безусловно, принцип меритократии придает произведениям жырау особую «строгость» и философскую глубину, формирует его величественную творческую манеру, «регулирует» его жанровый репертуар, организуя практически безупречную систему изобразительно-художественных средств и в целом – всю поэтическую систему, вполне отличную от поэтических систем других носителей тюркской устной традиции. Жанрово-стилистическая природа их репертуара обретает единство с их высоким политическим статусом, с их государственной и общественной ролью в ханском совете, а их речи становятся «правилом» и «канон» для слушателей. Эти поэтические речи изначально тесно связаны с обрядовым действием, т.е. «внешним, бытийным, внефольклорным планом». На первый план выходит не развлекательная, не созерцательная, как у акынов, салов и серэ, а действенная, предельно важная для обще-

ственного мнения и исторической минуты, речь, обладающая, к тому же, безупречными художественными достоинствами. И формально-стилевые, и художественные элементы – многоуровневые звенья единой и целостной поэтической системы, – все обусловлено внутренней, взаимозависимой, взаимосвязанной организацией и целенаправленной функцией. «Функции, – отмечает В.Н. Путилов, – не просто «роли», но определенные типы связей и зависимостей, это связи фольклорных структур с внефольклорными структурами, приобретающими для них самих структурный характер» [1, 18].

При всей «строгости» стиля лиро-эпическая поэзия жырау чрезвычайно богата в жанровом плане. Здесь встречаются, восходящие к древнему фольклору, пышные восхваления (мақтау), величественные посвящения (арнау), грозные проклятья (қарғыс), грустные прощания (қоштасу), трогательные завещания (өсиет), страстные призывы к сражению (үндеу), «вещие» прорицания (болжау), иносказательные песни о смерти (естірту), и печальные песни прощания с умершим (жоқтау), а также – быстрый, высокого эмоционального накала, речетатив (терме) и другие жанры. И все же самым «излюбленным жанром у жырау являются толгау» – короткие по форме философские суждения в стихотворного порядка [2, 7]. Они составляют основной жанровый состав героического певца XV-XVIII веков.

Исследователь Б. Абылкасимов пишет, что некоторые фольклористы соотносят этот возвышенный лиро-эпический жанр толгау даже с жанром оды [3, 12] в древнегреческой, русской и мировой литературе. И, исходя из обширного анализа кипчакоязычной древней поэзии, сам он подразделяет эти толгау на героико-патриотические и назидательно-дидактические [3, 18].

Как показывают наблюдения, такая классификация жанра отражает особенности культурно-исторического развития эпохи, повлекшей за собой и неизбежное изменение его меритократической природы: эстетических, этических принципов на протяжении трех веков, с XV века по XVIII.

Например, почти все толгау Асана Кайгы: «Бұл заманда не ғаріп?...», «Көлде жүрген қоныр қаз...», «Есті көрсе кем деме...», «Еділ бол да, Жайық бол...» и другие, – имеют строгий, назидательно-дидактический характер, а многочисленные толгау Доспамбета, Ахтамберды, Умбетая, Бухара, хотя и являются источником дидактики, нравочений, наставлений, полны древних героико-патриотических мотивов, ге-

роико-романтических образов и идей. Это существенное различие между певцами объясняется эволюцией жанра, и в тесной связи с этим процессом – пусть медленным, но и изменением стиля и поэтической системы героического певца, в целом – трансформацией его художественно-эстетических и меритократических принципов. Так, изменение исторической действительности, начиная с XV века и до XVIII века, повлекло за собой и изменение тем, идей, мотивов и образов. В этом со всей очевидностью нас убеждает и феномен могучей поэзии Махамбета первой половины XIX века.

Согласно методологии Е.Д. Турсунова, представленной в монографии «Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау» [4], каждый из носителей казахской устно-поэтической традиции обладает присущим лишь ему как типу социальным статусом, а отсюда и – жанровым репертуаром. По мнению ученого, оды в честь умерших воинов на погребальных церемониях, которые величественно исполнял героический певец, стали впоследствии сюжетным ядром, важным структурным элементом в сложении сказания [4, 240]. Так мы знаем, что жырау стоят у истоков эпоса: как архаического, связанного с похоронным обрядом, ритуальным повествованием о герое, восходящим к солярному культу, так и – классического, воспевающего подвиг героя на заре национальной истории и государственности. Основу этой торжественной героической оды составляют мақтау (хвалебные песни) и арнау. Более поздним жанром нам представляется жоқтау, получивший большое распространение в новое время как результат длительного процесса демифологизации и дегероизации древней оды, но сохранивший и до нашей эпохи отголоски культа предков.

Свое мнение о репертуаре казахских жырау высказала и известный фольклорист Н.С. Смирнова. Указав на то, что «поэтический дар казахских жырау имел утилитарно прикладное, а не только идейно-эстетическое значение: жырау прорицали, наставляли и воодушевляли войско в поход», – ученый выделяет в их репертуаре две основные преобладающие формы. «Первая – импровизация дидактического содержания, неписанная мудрость, обращение к каждому, рассчитанное на многие поколения воспитуемых. Вторая – импровизация на случай, имеющая непосредственный повод и адресата» [5, 15]. У жырау XV-XVIII веков наиболее часто используемой формой исследовательница считает первую, восходящую к фольклорным и ди-

дактическим жанрам: пословицам, поговоркам, терме, (поучениям) нақыл-сөз, (ораторским высказываниям) шешендік-сөз, композиционно и стихотворно организованным принципом параллелизма. Здесь, как видим, исследовательница ушла от осмысления меритократической природы эпоса.

Более близок к идее формирования жанрового репертуара жырау в связи с меритократическими истоками М.О. Ауэзов. Сюжетной основой, например, классической героической или социально-бытовой поэмы в том виде, как они дошли до нас, автор считает сочетание бытовых песен различных жанров с самостоятельными сюжетами. Ссылаясь на такое мнение исследователя, О. Нурмагамбетова цитирует: «Первый костяк будущей поэмы образуют (...) песни прощания при расставании с богатырем, «Отправлявшимся в поход («костасу»), свадебные песни во время его женитьбы и в особенности песни-плачи («жоктау») об умершем богатыре...» [6, 18].

Учитывая это мнение и самый процесс создания героическим певцом хвалебной песни на тризнах по умершему герою, прежде отмеченный Е. Турсуновым, мы получаем довольно обширный комплекс жанрового репертуара жырау со своей неповторимой творческой манерой, стилистикой и поэтикой и с особыми обрядовыми функциями, ритуальной этикой и эстетикой, восходящими к меритократии.

Таким образом, героическому эпосу, у истоков которого стоят жырау предшествовала долгая и богатая история обрядово-лирических жанров, что такие их виды, как коштасу (прощания), арнау (посвящения), мактау (восхваления), карғыс (проклятия), бата (благопожелания) и другие, – в значительной мере подготовили почву для возникновения, роста и расцвета эпоса, и лишь только с этапом вычленения и дальнейшей культурной специализации героический певец – в условиях военной демократии – воплотил по-своему, в соответствии со своими целями, задачами, установками и со своим социально-политическим статусом и идеологией, бытовавшие до него в народной лирической стихии и в поэзии акынов жанры. Вот почему М. Магауин считает жырау «наиболее древним типом акына» [2, 7].

Таким образом, точка зрения Е.Д. Турсунова на репертуар жырау подтверждается концепци-

ей М.О. Ауэзова о составе песен народно-обрядовой лирики в формировании эпоса.

Если же говорить об акынах, то и акын, также имеет свою древнюю генетическую историю, но в своеобразных, присущих лишь ему как типу, социальных формах и жанрах, представляя не менее интересного носителя устной поэтической традиции. По мнению Е. Турсунова и М. Магауина, он является более древним, чем жырау, который выделился и сформировался лишь в период «военной демократии». Акыны, – пишет Турсунов – творили уже в ту эпоху, «когда фольклор знали все», то есть когда фольклор был собственностью каждого рода, племени и всего народа. Отсюда более широк и разнообразен их репертуар, включающий многочисленные наставления – бытовые, хозяйственные, этические, ведущими мотивами которых являются преимущественно родовые, семейно-родовые связи, а наиболее частыми образами – родичи, предки, в то время, как в поэзии жырау – хан, весь казахский народ, общенародный герой. Особенности акыньских толгау являются то, что они чаще всего повествуют о личном возрасте, и своей старости, об утешении и скорби. Е.Д. Турсунов также отмечает, что акыны, в отличие от жырау, участвовали в айтысах (от имени родов) и знали эпические хроники родов – шежиры [4, 116]. Исследование жанрового состава жырау показывает существенное различие этих двух представителей древней устно-поэтической культуры.

Но и сами художественные миры каждого из жырау, несмотря на «строгие» меритократические начала, и их поэтические системы так же отличны, и исследователю героической поэзии, и переводчику необходимо знать специфику и эволюцию их жанровой системы: перед ним явление индивидуальной поэзии, где каждый из жырау, хоть и решает важные общественные и государственные задачи, все же живет своим собственным миром, своими чувствами, своими переживаниями, передает в песне свои впечатления, свои гнев и радость. В импровизациях различных жырау может звучать одна и та же тема, могут встречаться одни и те же образы, одни и те же героико-патриотические мотивы, но исследователю и художественному переводчику нужно «уметь услышать» индивидуальное звучание заветов, наставлений, призывов, их различную степень возвышенности, эмоциональности, воодушевления и т.д.

Литература

- 1 Путилов В.Н. В кн.: Фольклор. Поэтическая система. – М.: Наука, 1977. – 342.
- 2 Магауин М. Поэзия казахского кочевья / В кн.: Поэты Казахстана. – Л.: Советский писатель, 1978. – 606 с.
- 3 Абылкасимов Б.Ш. Жанр толгау в казахской устной поэзии. – Алматы: Наука, 1984. – 118 с.
- 4 Турсунов Е.Д. Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау. – Астана: Фолиант, 1999. – 252 с.
- 5 Смирнова Н.С. Устная индивидуальная поэзия акынов и жырау / В кн.: История казахской литературы в 3-х тт. – Т. I. – Алма-Ата: Наука, 1968. – 687 с.
- 6 Кобланды батыр: казахский героический эпос. – М.: Наука, 1975. – 444 с.

References

- 1 Putilov V.N. V kn.: Fol'klor. Poeticheskaya sistema. – M.: Nauka, 1977. – 342.
- 2 Magauin M. Poehziya kazahskogo kochev'ya / V kn.: Poehty Kazahstana. – L.: Sovetskij pisatel', 1978. – 606 s.
- 3 Abylkasimov B.SH. Zhanr tolgau v kazahskoj ustnoj poehzii. – Almaty: Nauka, 1984. – 118 s.
- 4 Tursunov E.D. Vozniknovenie baksy, akynov, sehri i zhyrau. – Astana: Foliant, 1999. – 252 s.
- 5 Smirnova N.S. Ustnaya individual'naya poehziya akynov i zhyrau / V kn.: Istoriya kazahskoj literatury v 3-h tt. – T. I. – Alma-Ata: Nauka, 1968. – 687 s.
- 6 Koblandy batyr: kazahskij geroicheskij ehpos. – M.: Nauka, 1975. – 444 s.